
АЛЕКСАНДРА ВЕТРОВА
Последний поцелуй перед тьмой

Александра Ветрова

Последний поцелуй перед тьмой

https://litres.ru/74376432
SelfPub; 2026

Аннотация

Каждую ночь Лина погружается в чужие сны. Она видит их страхи, желания, тайны — и переносит на холст. Это её дар, её проклятие и её одиночество.

Но однажды во сне она встречает Его. Мужчину, которого не существует в реальном мире. Или она просто ещё не нашла его?

Их встречи становятся всё более реальными, более интимными. Он единственный, кто не боится её дара, кто понимает её душу. Но с каждым поцелуем во сне тьма в реальной жизни сгущается. Лина начинает замечать странные совпадения: люди, чьи сны она видит, умирают. А Он — единственный, кто знает, как это остановить.

Содержание

Глава 4
Глава 1. Город, который спит 5
Глава 2. Отпечаток на холсте 13
Глава 3. Грань миров 21
Конец ознакомительного фрагмента. 24

Александра Ветрова
Последний поцелуй перед тьмой

Глава

Глава 1. Город, который спит

Лина не любила закаты. Не потому, что они были некрасивы, а потому что каждый закат был предвестником ночи, а ночь для неё значила гораздо больше, чем просто время суток. Ночь была её мастерской, её тюрьмой и её исповедной. Когда последние лучи солнца, похожие на расплавленное золото, умирали за крышами старого города, Лина чувствовала, как в груди начинает разрастаться знакомый холодок. Это был не страх. Это было предчувствие. Зов.

Она жила в мансарде старого пятиэтажного дома, в самом сердце города, который никогда не спал, но каждую ночь погружался в коллективное бессознательное. Её комната была завалена холстами, тюбиками с масляной краской и набросками. Но на этих холстах никогда не было пейзажей или натюрмортов. Там были сны. Чужие сны.

Лина провела пальцами по гладкой поверхности только что законченной картины. На ней была изображена женщина, стоящая на краю бесконечного моста, уходящего в туман. Лина знала эту женщину. Знала, что её зовут Ира, что она работает бухгалтером в скучной конторе и что каждую ночь она видит один и тот же сон: она ищет кого-то на том мосту, но всегда просыпается, не найдя. Лина видела этот сон в мельчайших подробностях, чувствовала солёный ветер на коже Иры и её отчаянную, щемящую тоску. Лина перенесла

это на холст, потому что иначе это чувство разорвало бы её изнутри. Это был её дар. Или проклятие. Она до сих пор не решила для себя.

В комнате было тихо, только старые часы на стене мерно отсчитывали секунды до наступления сумерек. Лина вздохнула и отошла от мольберта. На столе остывал чай, который она заварила ещё час назад. Она подошла к окну и посмотрела вниз, на улицу. Там, внизу, кипела нормальная, понятная жизнь. Люди спешили по своим делам, смеялись, ссорились, любили. Они жили в мире, где сны были просто снами — странными картинками, которые забываются через пять минут после пробуждения. Лина завидовала им. Остро, до скрежета в зубах. Она бы отдала всё, чтобы однажды проснуться и не помнить, что ей снилось. Чтобы не нести на себе этот груз чужих эмоций, чужих страхов и желаний.

Но в то же время... в этом было что-то завораживающее. Каждую ночь она открывала дверь в бесконечный лабиринт человеческих душ. Она видела то, что люди прячут даже от самих себя. Разрушенные надежды, запретную страсть, детские травмы, запертые в подвалах подсознания. Она была ночным психотерапевтом, который не мог выключить телефон, потому что звонок раздавался всегда, стоило ей сомкнуть веки.

Лина накинула на плечи шерстяной плед, хотя в комнате было душно. Она всегда мёрзла перед тем, как уснуть. Это было физическое ощущение приближения к чужому разуму,

похожее на вход в холодную воду. Она присела на край своей широкой кровати, застеленной льняным бельём. В изголовье висела её любимая картина — автопортрет, на котором она изобразила себя спящей, а над ней, как нимб, кружились обрывки снов: лица, глаза, руки, тянущиеся к ней. Она сама не знала, почему нарисовала это. Возможно, пыталась увидеть себя со стороны. Понять, как выглядит проводник в мир сновидений.

Она легла, вытянувшись на спине, и закрыла глаза. Сразу же, за веками, начали вспыхивать разноцветные пятна. Это был не сон, это был порог. Она умела контролировать этот переход, хотя бы отчасти. Она могла выбрать, в чей сон войти, чувствуя «вкус» и «цвет» спящего сознания. Сегодня её что-то тянуло в сторону новостроек на окраине. Там жил молодой парень, музыкант, который каждую ночь видел сны о том, как играет в пустом зале перед многотысячной толпой. Его сны были громкими, яркими, наполненными светом софитов. Лина любила их. Они давали ей чувство свободы.

Но в тот момент, когда она уже почти погрузилась в сознание музыканта, почувствовав запах кулис и канифоли, произошло нечто странное.

Она будто наткнулась на стену. Нет, не на стену. На бархатную, тёплую, живую преграду. Что-то мощное и невероятно притягательное вдруг возникло на её пути, заслонив собой все остальные сны. Это было похоже на то, как если бы ты бродила по тёмному коридору и внезапно оказалась в цен-

тре огромного, залитого лунным светом зала.

Лина замерла. Сердце её пропустило удар, а затем забилось быстро и гулко, отдаваясь в висках. Она не чувствовала опасности. Наоборот, её захлестнула волна удивительного, всепоглощающего тепла. Она открыла глаза во сне. Вокруг неё было пространство, которого она никогда раньше не видела. Это не был обычный сон с его сюрреалистичной, текучей логикой. Это было место. Осязаемое, реальное.

Она стояла на вершине высокой скалы, поросшей мхом. Внизу, в бесконечной дали, расстилалось море. Но море было не обычным, а звёздным. Вода переливалась и искрилась, отражая мириады галактик, будто небо опустилось на землю. Воздух был наполнен запахом соли и озоном, но самым удивительным было то, что она чувствовала себя здесь... спокойно. Впервые за долгие годы она не ощущала той липкой тревоги, которая обычно сопутствовала её ночным «путешествиям».

— Ты пришла, — раздался голос за её спиной.

Голос был глубоким, бархатным, с лёгкой хрипотцой. Он проник прямо в душу, заставив её вздрогнуть. Лина медленно обернулась.

Он стоял в нескольких шагах от неё. Высокий, темноволосый, с резкими, но гармоничными чертами лица. На нём была простая белая рубашка, расстёгнутая на пару пуговиц, и тёмные брюки. Он выглядел так, будто сошёл со старого кинопортрета — вне времени, вне эпохи. Но самое главное,

что поразило Лину — это его глаза. Они были тёмно-серыми, цвета грозового неба, и в них горел тот же странный, притягательный огонь, который она чувствовала в себе. Он смотрел на неё так, будто знал её всю жизнь. Будто ждал.

— Кто ты? — спросила Лина, и голос её прозвучал хрипло. Она не узнавала себя. Обычно во сне она была лишь сторонним наблюдателем, призраком. Но здесь она чувствовала своё тело, свой пульс, даже своё дыхание.

— Ты знаешь, — ответил он, делая шаг к ней. — Ты всегда знала, что я где-то есть. Ты искала меня в каждом лице, в каждом сне. Просто не верила, что найдёшь.

Он приблизился, и Лина почувствовала его запах. Пряный, тёплый, с нотками сандала и чего-то неуловимо сладкого. Он пах так, как пахнет первый снег, смешанный с дымом костра. Это было невероятно.

— Это просто сон, — прошептала она, пытаясь убедить саму себя, но её рука, не слушаясь разума, уже потянулась к нему. — Ты — плод моего воображения, образ, который я создала от одиночества.

— Нет, — мягко сказал он, и его губы тронула лёгкая, грустная улыбка. — Я не плод твоего воображения, Лина. Я такой же, как ты. Но я застрял здесь. Ты — единственная, кто может меня увидеть. Единственная, кто может меня услышать.

Он взял её ладонь в свою, и Лину пронзил электрический разряд. Это было не метафорическое ощущение. Это бы-

ло реально. Она чувствовала тепло его кожи, шероховатость пальцев, его пульс, который бился в унисон с её. Это невозможно было объяснить законами физики или психологии.

— Но как? — выдохнула она. — Кто ты? Почему я не могу понять, кто ты?

— Меня зовут Максим, — тихо произнес он, и имя прозвучало как мелодия. — И я не знаю, почему мы встретились именно сейчас. Но я знаю, что очень долго ждал этой встречи. Каждую ночь я звал тебя, и сегодня ты пришла.

Лина смотрела в его глаза, и мир вокруг них переставал существовать. Шум звёздного моря стих, ветер утих. Остались только он и она.

— Я боюсь, — прошептала она. — Я всегда боюсь снов. Но сейчас... я боюсь, что это прекратится.

Он поднёс её руку к своим губам и поцеловал кончики её пальцев. Этот жест был настолько нежным и интимным, что у Лины перехватило дыхание.

— Не бойся, — сказал он, глядя на неё из-под густых ресниц. — Я здесь. Я всегда буду здесь. По ночам. Я буду ждать тебя.

Она шагнула к нему, сама не понимая, что делает. Она прижималась к нему всем телом, ища защиты и тепла, которого ей так не хватало в реальной жизни. Он обнял её, прижал к себе так крепко, будто боялся, что она исчезнет.

В этот момент Лина поняла, что это — не просто сон. Это не её очередное «путешествие». Это была встреча. Судь-

боносная, странная, невозможная. Но она чувствовала его грудную клетку, слышала биение его сердца, и это было самое реальное, что случалось с ней за всю её жизнь.

Она подняла голову, и их взгляды встретились. Мир сузился до точки, в которой слились их губы.

Поцелуй был лёгким, почти невесомым, как дуновение ветра. Но он обжёг её. В нём была вся тоска вселенной, вся нежность тысячи ночей и вся горечь невозможности прикоснуться друг к другу в реальности.

Когда их губы разомкнулись, Лина почувствовала, что реальность начинает расплываться.

— Нет, — выдохнула она, чувствуя, как просыпается.

Его лицо начало тускнеть, и она услышала его голос, эхом доносящийся сквозь пелену пробуждения:

— Возвращайся, Лина. Я буду ждать...

Лина резко села на кровати, жадно хватая ртом воздух. Комната была залита серым утренним светом. За окном пели птицы.

Она поднесла руку к своим губам. Они всё ещё горели. Она всё ещё чувствовала его запах, его тепло, его руки на своей талии.

Лина медленно перевела взгляд на мольберт, стоящий в углу. Рядом с ним лежала стопка чистой бумаги.

Слёзы, горячие и солёные, потекли по её щекам. Она не плакала от грусти. Она плакала от того, что впервые в жизни почувствовала себя по-настоящему живой. И это чувство

пришло к ней во сне.

Она потянулась к альбому и карандашу. Её руки дрожали, но она должна была запечатлеть это. Должна была нарисовать его лицо. Пока она помнит каждую чёрточку, каждый блик света в его глазах.

Это была только первая ночь. Но Лина уже знала, что её жизнь никогда не будет прежней.

Глава 2. Отпечаток на холсте

Утро ворвалось в комнату не солнечным светом, а тягучей, свинцовой серостью, которая часто бывает в старых городах перед дождём. Лина сидела на кровати, обхватив колени руками, и смотрела в одну точку — туда, где на стене, рядом с её любимым автопортретом, ещё не было никакой картины. Но она уже видела её внутренним зрением. Она видела его лицо, его руки, его глаза, в которых плескалась целая вселенная, и это видение жгло её изнутри, требуя выхода.

Она не помнила, как добралась до ванной, как умылась ледяной водой, как заварила свежий чай, который снова остыл, пока она сидела и смотрела на пустой холст. Все привычные утренние ритуалы казались ей теперь чужими, ненужными. Её тело двигалось по инерции, а душа всё ещё парила там, на той скале над звёздным морем, в объятиях мужчины, которого не могло существовать.

Но он существовал. Она знала это с абсолютной, почти пугающей уверенностью. Его прикосновения оставили на её коже невидимые следы, его голос звенел в ушах, как самая прекрасная музыка, а его имя — Максим — пульсировало в крови, вытесняя все остальные мысли.

Лина взяла карандаш. Её пальцы, всё ещё слегка дрожащие, сами нашли нужный угол, и первая линия легла на бумагу. Это был штрих — всего лишь штрих, но в нём уже

угадывался изгиб его скулы. Она рисовала быстро, жадно, словно боялась, что воспоминание растает, как сон на рассвете. На самом деле она боялась именно этого — что ночная встреча окажется лишь игрой её переутомлённого воображения, галлюцинацией, порождённой многолетним одиночеством.

Но карандаш послушно выводил его образ. Вот его тёмные, чуть растрёпанные волосы, падающие на лоб. Вот резкая линия подбородка, которая придавала его лицу мужественную жёсткость. Вот его губы — чувствительные, с лёгкой усмешкой, которая, казалось, говорила: «Я знаю о тебе всё, и это меня не пугает». А вот глаза — самые трудные и самые важные. Лина задержала дыхание, когда принялась за них. Она пыталась передать тот странный свет, который горел в глубине его зрачков, — смесь мудрости и мальчишеской уязвимости, силы и тоски.

Когда портрет был почти готов, Лина откинулась на стуле и оцепенела. С листа бумаги на неё смотрел он — живой, настоящий. Она поймала себя на том, что её собственное дыхание сбилось, будто она встретилась с ним взглядом. Она провела пальцами по контуру его лица, и в этот миг ей показалось, что бумага стала тёплой.

— Кто ты? — прошептала она в пустоту комнаты. — Откуда ты взялся?

Ответа не было. Только старая люстра над головой тихонько качнулась от сквозняка, и где-то на улице залаяла со-

бака.

Лина заставила себя оторваться от рисунка. Ей нужно было проверить. Она должна была убедиться, что Максим — не плод её больной фантазии, а реальный человек. Быть может, она где-то видела его раньше, случайно встретила в кафе или на выставке, и его образ отпечатался в подсознании, чтобы выплыть в сновидении? Она лихорадочно открыла ноутбук и ввела в поисковую строку: «Максим, художник, город» — но ничего похожего не нашлось. Тогда она стала перебирать социальные сети, просматривать фото друзей друзей, листать ленты местных новостей. Ни одного лица, которое хотя бы отдалённо напоминало того, кого она нарисовала.

Это было невозможно. В огромном городе с миллионным населением не могло не быть человека с такими яркими чертами. Или могло? Лина закрыла ноутбук с чувством глухой тоски. Она понимала, что ищет иголку в стоге сена, но не могла остановиться. Ей нужно было найти доказательство того, что он реален. Иначе она сойдёт с ума.

Она накинула лёгкое пальто и вышла из дома, надеясь, что городской шум и суета приземлят её, вернут в реальность. Улица встретила её привычным гомоном: сигналы машин, обрывки разговоров, смех детей, играющих в сквере. Лина купила кофе в ближайшей кофейне и села на скамейку, наблюдая за прохожими. Она всегда любила это занятие — вглядываться в лица, пытаясь угадать их сны. Сегодня эта привычка обострилась до предела. Она искала среди толпы

его глаза, его походку, его улыбку. Но его не было.

Внезапно её внимание привлёк крик. Где-то неподалёку женщина в ярко-жёлтой куртке говорила по телефону, и голос её был наполнен истерикой:

— Да говорю же тебе, Саша умер! Вчера ночью! Врачи сказали — остановка сердца, а ему же всего двадцать два! Нет, он не болел, он был здоров как бык... Я не знаю, что случилось...

Лина замерла. У неё потемнело в глазах. Саша — так звали того музыканта, в чей сон она собиралась войти прошлой ночью, но не вошла, потому что на её пути возник Максим. Сердце Лины пропустило удар. Совпадение? Конечно же, совпадение. В городе тысячи Саш. Но странный холод пробежал по спине, и чашка с кофе выпала из её рук, разбившись о плитку.

Она встала и быстрым шагом направилась домой. В голове роились обрывки мыслей, ужасных и липких. Она вспомнила, что за последние несколько недель умерли двое людей, чьи сны она видела в ночь перед их смертью. Она старалась не придавать этому значения, списывать на случайности, на дурное совпадение. Но теперь, когда она вновь услышала о гибели человека, чей сон она чуть не посетила, её охватил настоящий ужас.

Неужели её дар — не просто способность видеть сны, а нечто гораздо более тёмное? Неужели она каким-то образом приносит смерть тем, в чьё сознание проникает? Эта мысль

была настолько чудовищной, что Лина почувствовала тошноту. Она вбежала в свою мансарду и захлопнула дверь, прислонившись к ней спиной. В груди колотился страх, но он смешивался с чем-то ещё — с отчаянной надеждой, что Максим сможет всё объяснить. Он же сказал, что знает, как это остановить.

Она просидела остаток дня в молчании, глядя на портрет, который нарисовала утром. Она пыталась читать, пыталась рисовать что-то ещё, но всё валилось из рук. Единственным, что удерживало её на плаву, было ожидание ночи. Она боялась засыпать, но одновременно жаждала этого с болезненной остротой. Максим был её единственной ниточкой, её единственной надеждой понять, что с ней происходит.

Когда за окном стемнело, Лина легла на кровать, даже не переодевшись. Она закрыла глаза и провалилась в сон мгновенно, как в омут.

На этот раз она оказалась не на скале, а в странном, полуразрушенном особняке, залитом лунным светом. Сквозь выбитые окна виднелся тот же звёздный океан, но теперь он был ближе, словно дом парил прямо над водой. Она стояла в коридоре с высокими потолками, стены которого были покрыты старыми фресками, изображающими сцены охоты и любви. В воздухе витал запах старых книг и воска.

— Лина.

Он вышел из тени, и сердце её сжалось от радости и облегчения. Он был таким же, как прошлой ночью, — высо-

ким, статным, с той же тёплой улыбкой. Но в его глазах она заметила тревогу.

— Максим, что происходит? — выпалила она, бросаясь к нему. — Я узнала, что Саша... музыкант... он умер! И до этого были другие! Ты знаешь, я в этом виновата? Скажи мне правду!

Он взял её за руки, и его прикосновение успокоило её, хотя бы отчасти.

— Тихо, тихо, — проговорил он, привлекая её к себе. — Я знаю. Я чувствую это. Ты не виновата, слышишь? Ты — лишь проводник. Но твой дар привлекает тьму. Тьму, которая голодна. Она пьёт жизнь из тех, чьи сны ты видишь, потому что через тебя она получает доступ к их сознанию. Она питается их страхами и желаниями, а когда они опустошены... они умирают.

Лина отшатнулась от него, её глаза расширились от ужаса.

— Но как это остановить? — прошептала она. — Ты же обещал, что знаешь!

Максим тяжело вздохнул и провёл рукой по её волосам, жест был бесконечно нежным.

— Есть способ, — сказал он тихо. — Но он опасен. Я должен рассказать тебе, кто я на самом деле. Я — не просто сон. Я — хранитель границы между миром снов и явью. Я был заключён здесь много лет назад, чтобы сдерживать эту тьму. Но она растёт, Лина. И теперь она использует тебя, чтобы прорываться в реальный мир. Я — единственный, кто может

помочь тебе создать барьер. Но для этого... для этого нам нужно стать ближе. Гораздо ближе, чем просто встречаться во сне.

Он посмотрел ей прямо в глаза, и в его взгляде была такая глубина чувств, что у Лины перехватило дыхание.

— Я должен войти в твой мир. По-настоящему. Но чтобы я смог это сделать, ты должна принять меня не как видение, а как часть себя. Наша связь должна стать неразрывной. И если мы сделаем это... тьма потеряет доступ к тебе. Но взамен ты можешь потерять себя. Ты готова рискнуть?

Лина смотрела на него, и внутри неё боролись страх и любовь. Любовь к этому призрачному мужчине, который стал ей дороже всего на свете за какие-то две ночи.

— Я готова, — выдохнула она, не раздумывая. — Я доверяю тебе.

Он улыбнулся, и в его улыбке было столько благодарности и боли, что Лина поняла: это будет не просто поцелуй. Это будет их последний поцелуй перед тьмой. Но она была готова.

Он наклонился к ней, и когда их губы встретились во второй раз, мир вокруг взорвался вспышками света. Лина почувствовала, как её сознание расширяется, как она впускает его в себя, в самую глубину своей души. Это было страшно и прекрасно одновременно.

А за окнами особняка тьма сгустилась до черноты, и звёздное море начало замерзать, превращаясь в лёд.

Глава 3. Грань миров

Пробуждение было похоже на всплытие с огромной глубины, когда лёгкие уже готовы разорваться от нехватки кислорода, но в последний миг тебя выносит на поверхность, и ты жадно, судорожно вдыхаешь воздух, смешанный с солёными брызгами. Лина открыла глаза, и первое, что она увидела, — это собственный потолок с едва заметной трещиной, напоминающей очертания материка. Второе, что она почувствовала, было нечто совершенно иное.

В её груди, там, где билось сердце, теперь пульсировал странный, тёплый свет. Это было физическое ощущение, будто кто-то зажёг маленькую свечу прямо у неё под рёбрами, и огонёк этот не обжигал, а согревал изнутри, разливаясь по венам тягучим золотистым мёдом. Лина приложила ладонь к груди и замерла. Ей показалось, что она слышит два сердца, бьющихся в унисон. Одно принадлежало ей, другое — ему.

— Максим? — прошептала она, и голос её дрогнул, наполненный надеждой и страхом. — Ты здесь? Ты слышишь меня?

Тишина в комнате была плотной, но не пустой. Ей показалось, что воздух вокруг неё сгустился, стал более осязаемым, а в ушах прозвучал его голос — тихий, ласковый, идущий словно из глубины её собственного сознания:

— Я с тобой, Лина. Я всегда буду с тобой отныне. Не бойся, это всего лишь эхо нашей связи. Я не могу говорить с тобой громко в реальном мире, пока я не обрёл плоть, но я чувствую всё, что чувствуешь ты. Каждый твой вдох, каждое биение твоего сердца — отныне это и моё тоже.

Лина медленно села на кровати, обхватив плечи руками. Её тело дрожало, но не от холода — от переизбытка чувств, которые захлестнули её с головой. Она посмотрела на мольберт, и сердце её пропустило удар. На холсте, который она оставила чистым, теперь красовался новый рисунок. Он был выполнен не карандашом и не красками, а чем-то иным, словно её собственная рука водила углём во сне. На холсте была изображена та самая сцена из особняка: она и Максим, слившиеся в объятиях, а вокруг них — клубящаяся тьма, которая тянула к ним свои длинные, тонкие, как паучьи лапы, щупальца. Но в центре картины, между их сердцами, горела яркая звезда, отбрасывая лучи света, которые разрезали тьму на части.

— Я нарисовала это? — выдохнула она, не веря своим глазам.

— Мы нарисовали это, — поправил он, и в его мысленном голосе послышалась лёгкая, тёплая усмешка. — Пока ты спала, я провёл твоей рукой. Прости, что не спросил разрешения. Но мне нужно было оставить тебе знак. Доказательство того, что всё это — не игра воспалённого воображения.

Лина встала с кровати и подошла к холсту. Она протяну-

ла руку и коснулась поверхности картины. Краска оказалась влажной, и на её пальцах остался чёрный след. Это было реально. Более реально, чем всё, что окружало её в этой комнате. Слёзы снова подступили к её глазам, но теперь это были слёзы облегчения. Она не одна. У неё есть он.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.